

Право на наименование

М. В. Ахметова

Ахметова Мария Вячеславовна (Москва, Россия) — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра прикладной урбанистики, Московская высшая школа социальных и экономических наук («Шанинка»); старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Email: malinxi@rambler.ru

СТРАТЕГИИ НОМИНАЦИИ И «ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА»: НАЗВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДОВ¹

В статье рассматриваются два случая, иллюстрирующих попытки регулирования употребления названий жителей городов в конце XX — начале XXI в. В обоих случаях речь идет о внедрении наименее популярного для локального узуса варианта («тверитяне» в Твери и «тамбовцы» в Тамбове). Успех соответствующей инициативы в Твери обусловлен тем, что ее проводником стали местные лингвисты; рекомендованное ими название утвердилось почти в половине тверских СМИ (хотя в локальном узусе более употребимы другие варианты). В Тамбове, где имела место программная публикация редактора газеты, а по инициативе первого мэра в центре города был размещен слоган «Тамбовцы, любите свой город», в газетах мода на соответствующее название продержалась недолго, и к настоящему времени оно маргинально.

Ключевые слова: языковая политика, катойконимы, названия жителей, лексическая вариантность, локальная идентичность

M. V. Akhmetova

Mariya Vyacheslavovna Akhmetova — Candidate of Philological Sciences at the Center for Applied Urban Studies of Moscow School of Social and Economic Sciences; Senior Researcher at the School of Advanced Studies in the Humanities of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Email: malinxi@rambler.ru

STRATEGIES OF NAMING AND “LANGUAGE POLICY”: NAMING TOWN-DWELLERS

The article studies two cases illustrating the attempts to regulate the use of names of town-dwellers in the late 20th — the early 21st centuries. Both cases are about the introduction of the least popular variants in two towns (“tveritiane” in Tver and “tambovtsy” in Tambov. Tver’s experience was more successful since it was initiated by local linguists; the name, proposed by them, is widely used in almost a half of the local media (though other variants are more popular in the local usage). In Tambov, the editor of the local newspaper published a program editorial, and the first mayor sanctioned the establishment of a billboard with a slogan “Tambovtsy, love your town” in the town center. But this name wasn’t so popular in the local newspapers, and it’s become marginal by now.

Keywords: language policy, katoikonims, names of town-dwellers, lexical variance, local identity

Характерная для «наивной лингвистики» идея, что языковые нормы утверждаются указом сверху, зачастую экстраполируется на вариантные названия жителей населенных пунктов либо на

1. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

иные проявления вариантности в топонимической лексике. Периодически в СМИ или в Интернете звучат пожелания, чтобы представители власти или/и ученые выбрали один из существующих вариантов («лучший», соответствующий определенным представлениям о грамотности, традиционности и т. д.) и документально утвердили его как нормативный. Приведу несколько примеров. Тверской историк, автор опубликованной в тверской газете в 1998 г. программной статьи, обосновывающей необходимость использовать номинацию тверитяне «в официальной разговорной речи, в официальных документах, на лекциях и уроках в школе и вузе, в средствах массовой информации», заявил, что этот совет следует облечь «в форму рекомендаций исполнительной власти области» [2, с. 11]. В 2010 г. в официальном блоге губернатора Орловской области А. П. Козлова (Blog.orel-region.ru) в ответ на запись, согласно которой «государство высоко оценило подвиг орловцев» во время Великой Отечественной войны, был оставлен комментарий, автор которого утверждал, что жители Орла — на самом деле *орловчане*, и это «непременно, раз и навсегда, должно быть прописано в новом Уставе города Орла». А одним из ярких медиасобытий весны 2016 г. стало создание петиций на платформе Change.org, содержащих просьбы запретить на законодательном уровне склонять название города Сковородино Амурской области (адресаты — Министерство образования и науки РФ, Правительство Амурской области, Министерство образования и науки Амурской области, Законодательное собрание Амурской области и Благовещенская городская дума), а также топонимы Петербурга и Ленинградской области типа *Купчино*, *Комарово* и др. (адресаты — министры культуры и образования РФ).

Нет нужды говорить о том, что язык функционирует иначе, чем представляют себе авторы подобных рекомендаций, что грамматические категории существительных (к которым относятся топонимы), в отличие от самих топонимов в официальных реестрах не фиксируются, а названия жителей не относятся к официально-деловой лексике и едва ли могут быть подвергнуты иной регистрации, кроме как лексикографической². Разумеется, это не отменяет влияния, которое оказывают на узус локальные лидеры — будь то представители местной власти или научного сообщества; иной раз это влияние диктуется вполне сознательными интенциями. При этом лоббируемый вариант может оказаться непопулярным собственно в локальном узусе.

В данной статье рассматриваются результаты двух case study, связанных с попытками регулирования в сфере самоименования жителей городов в конце XX в. Материалом стали мои полевые исследования в двух областных городах — Тамбове (2013 г.) и Твери (2014 г.).

Тверь: «с чистого листа»

На протяжении почти 60 лет, когда Тверь носила название Калинин (1931–1990), названия жителей, образованные от исторического ойконима, были вытеснены в разговорную речь, а в печати ограничены историческими контекстами. По имеющимся данным, в советское время в бытовой речи наряду с калининцами чаще всего использовались названия *тверичи*, *тверяки* и *тверичане* и практически не употреблялось *тверитяне*.

17 июля 1990 г. был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР о переименовании Калинина в Тверь, а через месяц с небольшим в первом номере газеты «Тверские ведомости» вышла статья заведующей кафедрой русского языка Тверского государственного университета, профессора Р. Д. Кузнецовой «Мы — тверитяне», предваренная вопросом читателя: «Как правильно называться жителям города Твери и Тверской области?» Автор (что немаловажно, родившийся за пределами Тверской области)³ обосновывал в статье наибольшую целесообразность употребление

2. Пожалуй, единственная «топонимическая» сфера, в которой властное регулирование происходит наиболее явно и формализованно, — это орфография, поскольку она касается отображения топонимов и их дериватов в документах. Например, в 2002 г. Совет депутатов г. Дубны принял решение № РС-4(Зс)-27/15 «Об образовании прилагательного от названия города Дубна», постановившее применять форму дубненский; организациям города было предложено привести свои официальные документы в соответствии с данным постановлением (см.: [6]).

3. Р. Д. Кузнецова (1933–1998, зав. кафедрой русского языка в 1985–1998), родилась в Армавире, переехала в Калинин в 1969 г. в возрасте 36 лет.

варианта *тверитяне*: оно появилось в эпоху, когда формировались основы русского литературного языка, его употребляли классики литературы, а остальные существующие названия являются либо устаревшими, либо просторечными, либо не соответствуют словообразовательной модели, свойственной для названий жителей области [4].

Анализ тверской печати 1900–2010-х годов показывает, что рекомендованное название утвердилось практически в половине местных СМИ, в то время как остальные придерживаются иных норм. Например, *тверитянин/тверитянка* утвердилось в областной газете «Тверская жизнь», а также в газетах «Афанасий-биржа», «Караван + Я» и ряде других изданий; вариант *тверичанин/тверичанка* — в газетах «Аргументы и факты – Тверь», «Комсомольская правда — Тверь» и т. д., варианты *тверич/тверичанка* — в «Вече Твери». В интервью сотрудники «Тверской жизни» и «Тверского курьера» напрямую говорили о существующих у них негласном правиле писать *тверитяне*, сотрудники тверской «Комсомольской правды» — о предпочтении названия *тверичане*, сотрудник «Веча Твери» — о предпочтении *тверичей*; опрошенные упоминали и о соответствующей редакции (последняя может быть выявлена также при сравнении идентичных текстов в разных газетах: например, отчет или воззвание главы города, опубликованное в нескольких изданиях, может отличаться одним обращением к жителям).

В локальном сообществе существует мнение, что *тверитяне* — «официальное» и «нормативное» название; вероятно, это мнение обусловлено как публикацией Р. Д. Кузнецовой, так и ее последующими выступлениями на эту тему в СМИ и на конференциях, ср.:

Тогда был цикл передач [по радио], <...> и она (Р. Д. Кузнецова — М. А.) сказала, что правильно именоваться «тверитянином». <...> Значит, я и руководствуюсь ее версией, потому что [она] человек очень образованный, очень уважаемый, <...> авторитет незыблемый... (М., 1958 г. р., канд. филол. наук, ТвГУ).

[Р. Д. Кузнецова] выступила со статьей, где с исторической точки зрения говорила, как следует называться жителям города. И она там однозначно доказала то, что «тверитяне, тверитянин, тверитянка». Что все остальные названия, конечно, не подходят. <...> Роза Дмитриевна еще периодически выступала с этим. <...> Какая-нибудь конференция, и она в качестве какого-нибудь там выступления, содоклада, в прениях <...>, какая-нибудь открытая лекция... (Д., 1968 г. р., доктор филол. наук, выпускник ТвГУ).

Знание о нормативности названия *тверитяне* транслировалось через вузовское преподавание, ср. воспоминания выпускников и сотрудников филфака Тверского университета:

У нас был профессор Вячеслав Яковлевич Кузнецов, который <...> рекомендовал настоятельно <...>, чтобы все были «тверитяне» <...>. СРЯ у нас вел, современный русский язык (Н., 1973 г. р., ТРК «Тверской проспект»).

Соб.: Ты откуда это знаешь, эту идею Кузнецовой?

Инф.: С лекций по древнерусскому языку, которые... которые проводили ее ученики. То есть Роза Дмитриевна была носителем канонического знания, которое передавалось из уст в уста (В., 1976 г. р., канд. филол. наук, ТвГУ).

В то же время для многих горожан это название чуждо; они ориентируются на общий узус и на речь своих старших родственников. Даже в интервью с тверскими филологами, которым известны рекомендации Кузнецовой, зачастую звучит идея, что «правильное» название на самом деле мало используется в быту:

...Мама говорила: «тверяк», «тверячка». <...> Я и с Розой Дмитриевной никогда эту тему не обсуждал. Я считал, что она неправа <...>. С точки зрения истории языка у нее там все фун-

дировано, все хорошо. Но мамка моя говорила по-другому. <...> И против мамки моей вся история языка ничего не скажет. *Народ* говорил так (С., 1952 г. р., доктор филол. наук, ТвГУ).

Ну, у меня бабушка всегда говорила, она коренная была, «твери...чанка» она говорила. Хотя это неправильно вроде как <...>. Наука говорит, что правильное, более правильное именование жителей нашего города — «тверитяне». <...> Но это именно именование, в качестве автоименования, конечно, оно не катит совершенно. <...> Ну люди сами так себя почти не называют (В., 1976 г. р., канд. филол. наук, ТвГУ).

Показательно, что многие (хотя и отнюдь не все) издатели и сотрудники СМИ, где принято название *тверитяне* (и даже заявлявшие о нем как о соответствующем языковой норме), говорили, что вынуждены использовать его в медийном регистре, но в жизни не склонны его употреблять, в частности в силу его якобы неблагозвучия. Таким образом, складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, название *тверитяне* позиционируется как грамотное, с другой, оно может вызывать отторжение даже у самих трансляторов нормы; в любом случае происходит разделение между языком СМИ и сферой повседневной коммуникации:

Инф.: ...Профессиональные журналисты, которые должны говорить на правильном русском литературном языке, должны говорить «тверити... тверитяне». <...> Хотя мне не нравится. Хотя я бы говорила «тверичи». <...> Но почему-то филологи приняли вот «тверитяне» <...> Что-то в этом есть <...> размазанное, что ли. <...> «Это тверяк!» Это как-то гордо, как-то немножечко сурово, как-то очень целостно. А «тверитяне» — знаешь, как вот сливочным маслом по бутерброду туда-сюда. <...> [В быту] я стараюсь говорить «тверичи».

Соб.: Но на радио — «тверитяне»?

Инф.: Ну вот вроде бы как да (М., 1958 г. р., ГТРК «Тверь»).

Инф.: ...Мы в «Вече Твери» пользовались рекомендацией Кузнецовой. Вот, а потом как-то это ушло, перестал редактор за этим следить, <...> «тверичи» стало более приемлемо. <...>

Соб.: А пользовались рекомендациями как, как бы честно или все-таки сквозь зубы?

Инф.: Сквозь зубы. Форма «тверитяне» вызывала отторжение... (С., 1947 г. р., работал в газ. «Вече Твери» и «Тверская жизнь»).

Инф. 1: Вот, вот мы «тверичи», отдельно кто-то «тверяк», кто-то «тверич», <...> абсолютно устоявшейся, принятой всеми нормы, ну, по-моему, на сегодняшний день нет. Она есть только у нас в корректуре. <...> Ну «тверитяне», по-моему, мы в обыденной речи не говорим, да, М. [обращается к собеседнице]? <...> В обыденной речи как мы говорим?

Инф. 2: Ну, «тверичи».

Инф. 1: «Тверичи», конечно. «Тверитяне» мы никогда не говорим. <...> У меня рука сама по себе не напишет «тверитяне».

Инф. 2: У меня тоже не напишет.

Инф. 1: Это я, я всегда зафиксирую: ага, все равно корректура исправит, поэтому пишу, да (*Инф. 1*: Г., 1947 г. р., *инф. 2*: М., ок. 1965 г. р.; газ. «Тверская жизнь»).

Материалы проведенного мною анонимного опроса, в котором приняло участие 74 человека, также показывают, что в целом жители Твери и области отдают предпочтение номинациям *тверичи* и *тверичане*. Например, о первом названии как о единственно возможном говорили 17 человек и как о возможном наряду с другими вариантами — 27, идентичные цифры были по второму варианту, в то время как о названии *тверитяне* как о единственно возможном сказали всего четверо, а в числе прочих возможных оно было упомянуто 15 опрошенными.

Далее я рассмотрю аргументацию трансляторов нормы (журналистов, редакторов и др.) в пользу того или иного названия, используемого в печати и публичной речи.

1. Норма и грамотность

Сторонники названия *тверитяне* в первую очередь задействуют аргументы, связанные с представлением о языковой норме. Ниже приведены три фрагмента интервью с информантами (сотрудник газеты, сотрудник радио, редактор и артист), которые «пропагандируют» название *тверитяне* по долгу профессии:

Мы ориентируемся в нашей газете <...> на вариант именованья, который <...> обосновала профессор Тверского госуниверситета, завкафедрой русского языка Роза Дмитриевна Кузнецова. <...> То есть мы основываемся на данных науки лингвистической. <...> [Местные жители] в основном говорят «тверичане». «Тверичане» и «тверичи». <...> Но наше вот издание старается <...> литературную форму прививать своим читателям и приучать их к правильному произношению и написанию (П., ок. 1975 г. р., газ. «Тверская жизнь»).

На радио принято называть жителей Твери на основе литературного произношения. То есть тех норм нашего современного русского языка, которые установлены и которыми мы руководствуемся. Поэтому самое правильное и, как говорят филологи нашего Тверского госуниверситета, и верное — называть жителей «тверитяне». <...> «Тверяк» или «тверяки» — так могут сказать гости нашего радио. А профессиональные журналисты, которые должны говорить на правильном русском литературном языке, должны говорить «тверити... тверитяне» (М., 1958 г. р., ГТРК «Тверь»).

...Мы выпустили учебник⁴. <...> И там форма «тверитяне» <...>, это было сделано абсолютно сознательно, мы все это проговорили с руководством. <...> Мы понимали, что у них будут спрашивать учителя, родители, <...> почему такая форма. Потому что они на улице-то встречаются с другим и в газетах с другим встречаются <...>. А потому что, вот, значит, руководитель научного коллектива, ссылаясь на мнение Академии наук СССР, предлагает именно эту форму как инвариантную (В., 1950 г. р., доктор культурологии, ГАСК).

[Я] принял на веру, так сказать, ее (Р. Д. Кузнецовой. — М. А.) очень огромный авторитет и стараюсь внедрять, где... если мне предоставляется возможность, вот этот вариант «тверитяне». <...> У меня очень много было выступлений в школах, у меня обширная литературно-концертная программа <...>, старался молодым людям на уши или в уши вложить это звучание, благозвучным сделать <...>. Я мог в течение одного выступления <...>, ссылаясь на ту же Розу Дмитриевну Кузнецову, вот, [сказать] что она считала, что это «тверитяне» (П., 1937 г. р., артист, драматург).

В этих высказываниях, апеллирующих к науке о языке (в лице Р. Д. Кузнецовой и других университетских филологов либо Академии наук), более или менее эксплицитно выражены две значимых идеи. Во-первых, это противопоставление «правильного»/рекомендованного варианта другим, используемым в быту. Во-вторых, те самые другие названия фактически выводятся за рамки «правильного литературного языка».

4. Речь об учебном пособии по истории Тверского края [3]. В интервью содержится отсылка к Академии наук — имеется в виду рекомендация Института русского языка, полученная в ответ на запрос от калининского обкома незадолго до возвращения Твери исторического названия. Документ, судя по всему, не сохранился.

2. «Свое» vs. «чужое»

Противоположная стратегия трансляторов нормы заключается в солидарности с узусом. В этом случае на первый план выступает вкусовая мотивация: «правильное» название *тверитяне* рассматривается как неблагозвучное, архаичное, искусственное, и как следствие — менее грамотное, чем *тверичи* или *тверичане*:

Инф. 1: ...Режет слух очень, когда кто-то пишет «тверитяне» <...> Нам кажется это смешно. Во-первых, лично вот у меня «тверитяне», оно звучит <...> старомодно <...> и некрасиво даже. Вот «тверичане» — оно солидней как-то и основательней <...>. Но это уже наше личное мнение, мы так пишем, нам так нравится. <...>

Инф. 2: Я никогда не произносила «тверитяне», мне кажется оно малограмотным (*Инф. 1* — Т., 1974 г. р., *инф. 2* — Т., 1977 г. р., газ. «Комсомольская правда — Тверь»).

Местные филологи написали статью-рекомендацию, где <...>, я не знаю почему, предложили в качестве нормы старую форму — «тверитяне». <...> А «Тверская жизнь» [поначалу] не согласилась с мнением филолога и стала употреблять форму, на мой взгляд, более правильную — «тверичи». <...> Объясните, пожалуйста, простому неграмотному человеку. Не филологу. Вот у меня есть родственник, он инженер, он всегда говорит «тверичи». <...> Форма «тверитяне» выглядит для него как какая-то, ну, летописная. Типа «не лепо ли бяше, братия» (С., 1947 г. р., работал в газ. «Вече Твери» и «Тверская жизнь»).

Кроме апелляции к общему узусу и к личному вкусу, журналисты в качестве ориентира указывают на речь представителей городской власти. Так, сотрудница тверской «Комсомольской правды», где принято название *тверичане*, со ссылкой на главного редактора газеты вспомнила, что в середине 2000-х годов вопрос о том, какое название следует использовать в печати, «выносился даже на Думу», и «тогда пришли [к выводу], что надо говорить “тверичане”» (Т., 1974 г. р.). К сожалению, найти подтверждения этому факту пока не удалось. Другая журналистка отказалась от считавшегося ею нормативным названия *тверитяне* в пользу варианта *тверичи* под влиянием городской администрации и ориентирующихся на нее медийщиков:

[После 2003 г.] администрация города отстаивала вариант «тверичи», причем активно. Поэтому с того момента появился такой вариант, который активно двигался в СМИ. И у меня вариант «тверитяне», который я считала нормативным, <...> в газетах, где я работала, всюду корректура, редакторы поправляли. И, помня это дело, я, например, стала использовать вариант «тверичи». <...> Когда [я] активно спорила там с пресс-службами, прочими, прочими, да: «Почему “тверичи”, почему рекомендуете именно это?» — это они говорили, что вот у нас все тверские, они очень патриотичные, <...> они все местные у нас руководят городом, поэтому вот такой вариант им больше нравится (О., 1983 г. р., газ. «Край справедливости»).

Дискурс о вариантных названиях жителей экстраполируется на такой актуальный для тверского социума сюжет, как конфликт городской и областной администрации в 2000-е годы. Представление о названии, употреблявшемся представителями городской власти (т. е. «своими»), варьирует: например, О. С. Лебедеву (глава города в 2003–2008 гг.) приписывается употребление вариантов *тверичане* и *тверичи*; в любом случае *тверитяне* ассоциируется с речью «чужих» — в частности, с Д. В. Зелениным (губернатор Тверской области в 2003–2011 гг.). В контексте противостояния «чужих» — будь то бывший губернатор Зеленин или теперешние областные и городские власти, воспринимающиеся как ставленники Москвы, ориентация журналистов на речь представителей городской администрации (употребляющих либо ранее употреблявших названия *тверичане* или *тверичи*), позиционируется, с одной стороны, как знак патриотизма и лояльности «своей», местной

власти, с другой — как «фига в кармане» по отношению к власти «чужой» (а также к лояльным ей газетам). Такой патриотизм дает карт-бланш в полемике с вариантом, который диктуется как норма от лица науки.

...Как только в администрации появляются тверские, то «тверитяне» из газет постепенно исчезают <...> Все, что под городом, все издания, мы писали годами «тверичи». <...> Город воевал с областью много лет. <...> Это была тоже принципиальная фишка, да. Что в городских, в городской среде, в муниципалитете пусть говорят «тверичи», а вот эти вот (нрзб.) (т. е. «чужие». — М. А.) пусть называют нас «тверитяне». Ну ничего, то есть это была осознанная языковая такая патриотическая фишка, что мы свои, а это вы, чужие. <...> Это была демонстрация местности, в отличие от пришлости (О., 1983 г. р., газ. «Край справедливости»).

Инф. 1: Олег Лебедев, которого <...> любят в Твери, он говорил «тверичане», он именно наш, тверской, он городом занимался. Как раз губернатор Зеленин говорил «тверитяне». <...> Если раньше было разделение <...>, ну вот Лебедев, он тверской, коренной тверской, он говорил «тверичане», и пришедшими вот из Москвы — Зеленин <...> был назначен к нам из Москвы, то сейчас как бы все придерживаются именно одного такого вот слова. <...>

Инф. 2: Я думаю, что здесь действительно в угоду, в угоду правящей элите. <...> Я думаю, что более бытово — «чане», вот это «тверичане». Потому что власть предрержащие произносят «тяне» <...>, а все власть предрержащие у нас люди приезжие, да, что Зеленин москвич, что вот этот современный губернатор, он ведь ну там питерский, рязанский и так далее, ну он в принципе здесь не жил, не жил. Я думаю, что как произносит человек у власти, так и СМИ проправительственные начинают писать (*Инф. 1* — Т., 1974 г. р., *инф. 2* — Т., 1977 г. р., газ. «Комсомольская правда — Тверь»).

Интересно, что в поддерживавшей губернатора Зеленина газете «Караван + Я» периодически критиковалось употребление мэром Лебедевым названия *тверичи*, а вариант *тверитяне* отстаивался как правильный (хотя и с точки зрения не лингвистической, а скорее метаисторической). Разумеется, в апелляции к речи представителей власти есть большая доля субъективности, но интересно, как выбор СМИ подкрепляется политической мифологией.

Тамбов: попытка реставрации старой нормы

Второй case касается Тамбова, где на протяжении второй половины XX в. историческое название *тамбовцы* и в речи, и в газетах было вытеснено вариантом *тамбовчане* (хотя у исторического варианта оставалось немало сторонников).

Через месяц после поражения августовского переворота 1991 г. в газете «Тамбовская правда» вышла статья редактора газеты, краеведа И. И. Овсянникова, который призывал вернуться к старому именованию. Основные аргументы в его пользу (традиционность, историчность, использование в классической литературе) вполне характерны для пуристических выступлений, при этом статья была очень созвучна настроению эпохи. Во-первых, название *тамбовчане* объявлялось навязанным в советское время обкомом партии. Во-вторых, его употребление сигнализирует о забвении корней, о «невежестве, беспамятстве, бездумности» и «манкуртизме» — в противоположность названию *тамбовцы*, которое употребляют «представители старой интеллигенции» и которое «звучит как «петербуржцы»». Последнее весьма показательно: буквально за несколько дней до публикации, 6 сентября 1991 г. Ленинграду было возвращено историческое имя Санкт-Петербург. В-третьих, в заключении к статье Овсянников перешел от названия *тамбовчане* к другой языковой «нелепости» — к аббревиатуре РПЦ, которую патриарх Алексей II просил не употреблять журналистов и мирян:

Патриарх «...» призвал всех нас проявлять «языковой и исторический такт», не распространять оруэлловский «новояз». Давайте же прислушаемся к этим мудрым словам. Они ведь имеют отношение не только к этой нелепой и уродливой аббревиатуре — РПЦ [5].

Таким образом, вариант *тамбовцы* ассоциировался с наследием советского режима, от которого значительная часть перестроечной общественности стремилась отмежеваться.

В начале 1990-х гг. в тамбовской прессе резко вырастает популярность исконного названия *тамбовцы*, однако уже к началу 2000-х гг. эта мода сходит на нет, очевидно под влиянием узуса. (Отмечу, что многие опрошенные мною жители Тамбова категорически возражали против идеи о «правильности» названия тамбовцы. Показательно, что некоторые информанты, в том числе представители старшего поколения, говорили, что вообще никогда не слышали такого названия; высказывались и фактически неверные суждения, что именно название *тамбовчане* употреблялось «испокон веку» и даже «до революции».)

В 1995 г. на крыше Тамбовской областной библиотеки им. А. С. Пушкина была размещена светящаяся надпись «Тамбовцы, любите свой город!» Инициатором ее появления стал первый мэр Тамбова В. Н. Коваль — кандидат исторических наук, очень популярный политик, фактически олицетворявший для жителей области демократическое движение. Обращение *тамбовцы* было выбрано сознательно, как отвечающее духу демократических преобразований, ср. высказывание, восходящее к свидетельству А. Ю. Ильина, исполнявшего при Ковале должность вице-мэра:

А вот когда тут грянула перестройка, «...» было такое вот: «Че это, мы, — говорит, — “чане”, будем “овцы”» (т. е. *тамбовцы*. — М. А.). До него был мэр Коваль. И вот на волне этих изменений, на волне вот этой перестройки он настоял на «овцах» (С., Тамбовская областная научная библиотека).

И это высказывание власти однозначно приветствовали сторонники исконного названия:

Это перестройка, «...» путч, и все считают, что теперь все будет без указки сверху, без диктата, как мы хотим, так и будем. «...» Первый раз [надо было] выбирать главу города, выбираем нашего мэра Ковалья, и по отмашке Ковалья «...» на Пушкинской библиотеке, значит, тупой какой-то лозунг в стиле совдеповских времен, но со словом «тамбовцы» «...» Возвращение слова «тамбовец» и «тамбовцы» воспринималось как некоторое проявление свободы (В., 1956 г. р., журналист, поэт, писатель).

Политика мэрии отчасти принесла плоды: например, участник анонимного опроса (муж., 1988 г. р.) сказал, что именно благодаря лозунгу считает название *тамбовцы* правильным. Однако значительная часть местных жителей, привыкшая к названию *тамбовчане*, осталась в недоумении, поскольку со стороны властей не последовало никакого обоснования выбора варианта⁵. Поэтому надпись стала предметом активного осмысления, в том числе фольклорного. Так, употребление названия *тамбовцы* часто оценивается как результат ошибки; кроме того, распространено объяснение, что на название *тамбовчане*, более длинное, не хватило места. В то же время рефлексии по поводу надписи встраиваются в существующую как минимум с 1980-х гг. объяснительную модель, согласно которой название *тамбовцы* неприемлемо, потому что рифмуется со словом *овцы*. В городском фольклоре популярен сюжет, согласно которому на светящейся надписи перегорели некоторые лампочки (либо часть надписи была чем-то заслонена), в результате чего «тамбовцы» превратилось в «овцы» или в «там овцы». Наряду с этим информанты рассказывали о практике фотографировать библиотеку таким образом, чтобы на фотографии читалось «(там) овцы», о за-

5. Интересно, что городские власти сначала разместили лозунг со словом тамбовцы и лишь потом озаботились поиском обоснованности этого действия. Я располагаю свидетельством, что А. Ю. Ильин, сменив в 1998 г. В. Н. Ковалья на посту мэра, поручил отправить запрос в Институт русского языка по поводу того, как следует называть жителей Тамбова.

крашивании букв на открытках с видом библиотеки и др. (см.: [1]). Так происходит дискредитация и названия *тамбовцы*, и соответствующей акции городской власти. Хотя при всем негативном отношении части городского сообщества к историческому названию я ни разу не слышала критики в адрес В. Н. Ковалья; более того, бывшего мэра даже стараются оправдать, перекаладывая ответственность на «неграмотных» консультантов:

Вот этот Коваль <...> тоже не тамбовский⁶. <...> Он историк, он политик, очень умный человек с поразительной памятью, очень интеллигентный человек... <...> И вот, видно, Ковалю кто-то сказал из приближенных. <...> Сейчас чиновники: столько неграмотных, откровенных вот дураков <...> И вот такой дурачок мог предложить, необразованный. И Коваль согласился. Я когда ему че-то сказал, он говорит: «Ой, N. N., я придумал...». Ну, то есть он чувствовал какую-то свою вину, потому что, я уверен, ему многие <...> об этом говорили. Ну, это случайность здесь, случайность (С., 1943 г. р., газ. «Тамбовская жизнь»).

* * *

Итак, мы имеем дело с двумя попытками регулировать употребление названий жителей в локальном узусе за счет попытки внедрения непопулярного варианта. В чем причина большего успеха соответствующей инициативы в Твери, где *тверитяне* все же утвердились в значительной части СМИ, по сравнению с Тамбовом, где *тамбовцы* в настоящее время на страницах газет маргинальны, а горожане издеваются над рифмой «тамбовцы–овцы»?

Как представляется, это связано с двумя факторами. Во-первых, в Твери (в отличие от Тамбова, название которого не менялось) естественная традиция самоименования была скорректирована сменой самого названия города, в результате чего в начале 1990-х гг. появилась возможность если не создавать номинации с чистого листа, то, во всяком случае, корректировать их употребление. Во-вторых, в Тамбове пик моды на *тамбовцев* был спровоцирован все же частным мнением полемического характера — размышлением журналиста, краеведа И. И. Овсянникова, и поддержан лозунгом на библиотеке — высказыванием власти, хотя и отчетливым, но не подкрепленным каким бы то ни было объяснением и имевшим скорее «воспитательный» характер. В то же время высказывание Р. Д. Кузнецовой о правильности названия *тверитяне* имело форму рекомендации, а публикация ее статьи в «Тверских ведомостях» сопровождалась припиской от редакции, которая солидаризировалась с мнением профессора и рекомендовала жителям города и области «употреблять именно эти нормы: тверитянин, тверитянка, тверитяне» [4]. Важно и то, что с начала 1990-х гг. в Твери сложилась традиция передачи знания о нормативности названия тверитяне: от Кузнецовой и ее коллег — университетских филологов к студентам — будущим журналистам.

Библиография

1. Ахметова М. В. -Овцы vs. -чаны: языковая игра в полемике о названиях жителей Тамбова // Антропологический форум. № 24. 2015. — С. 120–140.
2. Ильин М. Мы — тверитяне! // Афанасий-биржа: [газ., Тверь]. 1998, май (1–7), № 18. — С. 11.
3. История Тверского края: Учебное пособие / Под общ. ред. В. М. Воробьева. Тверь: Созвездие, 1996.
4. Кузнецова Р. Мы — тверитяне // Тверские ведомости: [газ.]. 1990, 27 авг. — С. 8.
5. Овсянников И. Откуда берутся «чаны»? Как говорить: «тамбовец» или «тамбовчанин»? // Тамбовская правда: [газ.]. 1991. 13 сент.
6. По традиции и практике — ДубнЕнский // Наука. Содружество. Прогресс: [газ., Дубна]. 2003. 17 июня.

References

1. Ahmetova M. V. -Ovcy vs. -chany: yazykovaya igra v polemike o nazvaniyah zhitelej Tambova // Antropologicheskij forum. № 24. 2015. — S. 120–140.

6. В. Н. Коваль (1952–1998) родился в Тбилиси, но жил в Тамбовской области с детства.

2. Il'in M. Мы — tverityane! // Afanasij-birzha: [gaz., Tver']. 1998, maj (1–7), № 18. — S. 11.
3. Istoriya Tverskogo kraja: Uchebnoe posobie / Pod obshch. red. V. M. Vorob'eva. Tver': Sozvezdie, 1996.
4. Kuznecova R. Мы— tverityane // Tverskie vedomosti: [gaz.]. 1990, 27 avg. — S. 8.
5. Ovsyannikov I. Otkuda berutsya «chany»? Kak govorit': «tambovec» ili «tambovchanin»? // Tambovskaya pravda: [gaz.]. 1991. 13 sent.
6. Po tradicii i praktike — Dubnenskij // Nauka. Sodruzhestvo. Progress: [gaz., Dubna]. 2003. 17 iyunya.